

Без какой-либо видимой причины Тан Шэнь пришел к этому выводу. Из глубокого доверия к Ван Чжэню он даже не задумывался о том, как именно тот сможет защитить его перед императором, если Чжао Фу действительно решит с ним расправиться.

Однако последующие дни словно доказали, что Тан Шэнь попросту надумал лишнего — накрутил сам себя!

С наступлением шестого месяца здоровье Чжао Фу пошло на поправку, и он возобновил утренние аудиенции. Третьего числа шестого месяца местный чиновник с юга прибыл в столицу для представления императору и привез с собой белоснежного оленя, что вызвало изумление при дворе. Чжао Фу, едва оправившийся от недуга, при виде оленя так обрадовался, что спустился прямо с трона, подошел к белому зверю и погладил его маленькие рожки.

— Это... это действительно белый олень?

Чиновник отвесил поклон и взволнованно произнес:

— Отвечая Его Величеству, в прошлом месяце один из крестьян в землях Вашего слуги наткнулся на него в лесу. С древних времен говорят: «Белый олень является тогда, когда милость и мудрость правителя простираются на его подданных». Ваш слуга не осмелился медлить ни мгновения и поспешил доставить священного оленя во дворец. Его Величество, это благое знамение!

В зале собраний придворные хором воскликнули:

— Благодать Его Величества простирается на всю Поднебесную, небо ниспослало нам благое знамение!

Приняв белого оленя, Чжао Фу пребывал в превосходном расположении духа. Лицо его, прежде бледное от болезни, за одну ночь приобрело здоровый румянец. На радостях он принялся щедро осыпать дарами всех вокруг. Наградил не только наложниц в гареме, но и прислуживающих ему евнухов. Даже Тан Шэнь и двое других дежурных регистраторов августейших деяний получили награду.

Когда утренняя аудиенция закончилась, Чжао Фу лично отправился в вольер взглянуть на оленя и сказал Тан Шэню:

— Цзинцзэ, посмотри на этого оленя. У него даже ресницы белые.

Отношение Чжао Фу к Тан Шэню ничуть не изменилось.

С другой стороны, Су Вэньюнь больше не предпринимал попыток связаться с Тан Шэнем.

Похоже, поручение, которое Чжао Фу дал Су Вэньюню, никак не касалось Тан Шэня. Ему и впрямь все это лишь привиделось.

Слегка успокоившись, Тан Шэнь предался размышлениям. По правде говоря, даже если бы его связь с Лян Суном раскрылась, в этом не было бы ничего смертельного. Мало того что Лян Сун был лишь его первым наставником, так теперь он официально учился у Фу Вэя. Даже если Чжао Фу узнает, что Тан Шэнь когда-то был учеником Лян Суна, худшее, что могло случиться, — это охлаждение к нему императора и лишение возможностей для продвижения по службе. Разве что Чжао Фу окажется чудовищно мелочным человеком, иначе с чего бы ему так уж притеснять Тан Шэня?

К тому же после смерти Лян Суна Тан Шэнь сразу же устремился в Шэнцзин и поступил в ученики к Фу Вэю, тем самым практически заявив на весь свет: «Я хочу оборвать всякие связи с Лян Суном».

Если только Чжао Фу не обладал всевидящим оком, он никак не мог связать появление Тан Шэня в столице на государственной службе с покойным Лян Суном и его сторонниками.

Из-за этого дела Тан Шэнь полмесяца жил как на иголках, но теперь, оглядываясь назад, он видел во всем этом лишь один несомненный плюс: они с Ван Чжэнем стали ближе друг к другу. Тан Шэнь впервые почувствовал, что они раскрыли друг другу карты и поговорили по-настоящему искренне.

В седьмом месяце, выбрав свободные от службы дни, Тан Шэнь взял небольшой отпуск и отправился на север, в Нинчжоу.

Слово от автора:

Сосед Ван: «Сегодняшний младший соученик кажется немного сладким».

Это была вторая поездка Тан Шэня на север, и путь его снова лежал в Нинчжоу.

На этот раз Тан Хуан осталась дома, и в путь на север Тан Шэнь отправился вместе с Яо Санем. Всю дорогу Яо Сань правил повозкой, сидя на облучке, а Тан Шэнь устроился внутри и время от времени приподнимал полог, вглядываясь в проплывающие пейзажи.

Начиная от самого Шэнцзина, казенный тракт тянулся просторный и широкий. Проложили его вдоль деревенских межей, стараясь не повредить посевы на полях. Отдел Юйбу сделал дорогу максимально широкой, срывая холмы и расчищая заросли сорняков, чтобы путь оставался ровным. Спустя три стражи новая дорога закончилась — дальше трудились рабочие, которые, согнув спины, копали землю лопатами, усердно прокладывая тракт дальше.

Тан Шэнь и Яо Сань вынуждены были поехать в объезд. Они уже одолели две трети пути, но из-за этого крюка на оставшуюся треть у них ушло целых четыре стражи, прежде чем они добрались до Нинчжоу.

Город Нинчжоу выглядел куда более оживленным и процветающим, чем в прошлом году.

Тан Шэнь и Яо Сань первым делом устроились на ночлег в постоялом дворе. На следующее утро Яо Сань отправился разузнать, где живет Ван Сяо, занимавший должность чиновника пятого ранга в Отделе Юйбу Приказа общественных работ. Выяснив адрес, после полудня Тан Шэнь взял с собой коробку гостинцев из Шэнцзина и коробку чая Билочунь из управы Гусу и направился с визитом к Ван Сяо.

Самого Ван Сяо дома не оказалось, и гостя приняла госпожа Ван.

Ближе к вечеру Ван Сяо вернулся со службы. Увидев друга, он несказанно обрадовался:

— Цзинцзэ! Какими судьбами?

Тан Шэнь поднялся из-за стола и шагнул навстречу:

— Брат Дайюэ, сколько лет, сколько зим! Как твои поживания?

— Замечательно! Но ты так и не ответил, как оказался в Нинчжоу, — Ван Сяо обернулся к

супруге: — Дорогая, поспеши на кухню и приготовь парочку своих лучших блюд. Цзинцзэ тоже родом из Цзяннани, твоя стряпня придется ему по вкусу.

Госпожа Ван с улыбкой удалилась.

Когда опустились сумерки, Тан Шэнь и Ван Сяо принялись за еду, весело беседуя за вином.

Седьмой месяц — самая жаркая пора. В Шэнцзине императорский дворец уже вовсю спасался от зноя припасенным льдом. Но здесь, в Нинчжоу, на самой северной окраине Великой Сун, хотя днем и припекало, с наступлением вечера легкий ветерок мгновенно уносил остатки душного тепла, принося с собой приятную прохладу.

После ужина госпожа Ван нарезала арбуз.

Ван Сяо не без гордости произнес:

— Цзинцзэ, спорим, ты такого не пробовал? В Шэнцзине это невиданная редкость, которую поставляют разве что к императорскому столу. Называется «сигуа» — арбуз, диковинка из Западного края. Люди Ляо ведут оживленную торговлю с западными землями. Лишь приехав в Нинчжоу, я узнал, что пускай стоит эта штука недешево, достать ее вполне реально, купцы Ляо охотно продают ее. Попробуй скорее, отлично освежает в жару!

Тан Шэнь, разумеется, прекрасно знал, что такое арбуз, но с тех пор как переродился в древности, пробовал его впервые. Не чинясь, он взял сочный ломтик. Воды в нем было много, но особой сладостью он не отличался. За долгие годы в этом мире Тан Шэнь почти забыл свою прошлую жизнь и то, какими приторно-сладкими были выведенные селекционерами арбузы будущего. Сейчас же, вкушая эту дикую, простую версию, он чувствовал себя абсолютно довольным.

Тан Шэнь искренне восхитился:

— Действительно, отлично освежает!

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Ван Сяо. — Тогда съешь еще пару кусочков.

Покончив с арбузом, они переместились во внутренний дворик пить остуженный чай.

У Ван Сяо накопилось множество историй:

— Я в Нинчжоу уже три месяца, и ты первый старый друг, с кем мне довелось встретиться. Здесь все хорошо, да только нет ни единой родной души.

Тан Шэнь улыбчиво заметил:

— Глядя на тебя сегодня, брат Дайюэ, я невольно вспомнил одну идиому.

— О? Какую же?

Тан Шэнь с улыбкой произнес:

— «Добрая душа — округлое тело».

Ван Сяо опешил и лишь спустя мгновение возразил:

— Какие еще «округлые формы»? В этой поговорке это слово читается по-другому и означает душевный покой! Ах ты, Тан Цзинцзэ, мы с тобой сдавали экзамены в один год, не виделись столько месяцев, я принимаю тебя со всем радушием, а ты вздумал шутить над моим весом? Неужели я и правда раздобрел?

Тан Шэнь пожал плечами:

— Раздобрел или нет, неужели брат Дайюэ сам этого не чувствует?

— Ха-ха-ха! — оба дружно рассмеялись.

Когда они были в Шэнцзине, Ван Сяо целыми днями пропадал на скучной службе в Академии Ханьлинь. Видя, как один за другим продвигаются по службе его товарищи по выпуску, в то время как он прозябает на прежнем месте, он копил в себе обиду, ходил мрачнее тучи и заметно осунулся. Теперь же, оказавшись в Нинчжоу, где небо высоко, а император далеко, чиновники Приказа общественных работ чувствовали себя полноправными хозяевами положения. К тому же Ван Сяо получил повышение, а радостные события всегда молодят душу — вот он и округлился в лице.

Тан Шэнь в общих чертах поведал о новостях Шэнцзина за последние месяцы. Выслушав его, Ван Сяо спросил напрямую:

— Цзинцзэ, ты ведь пришел ко мне сегодня не просто так, верно? Что-то случилось?

Тан Шэнь почтительно сложил руки:

— Не стану скрывать от тебя, брат Дайюэ, у меня и впрямь есть к тебе просьба. Тебе известно, что моя семья Тан в управе Гусу занимается торговлей и владеет кое-каким делом. Столичный Терем Сися — это мое заведение, ты и сам бывал там в прошлом году сразу после открытия. Главное блюдо в Тереме Сися — Посягун, а баранину и говядину для него мы покупаем у купцов Ляо.

Ван Сяо прищурился, мгновенно уловив суть, но все же спросил:

— Цзинцзэ, и чего же ты хочешь?

Тан Шэнь посерьезнел:

— Брат Дайюэ, скажи на милость, успеют ли в этом году закончить казенный тракт от Нинчжоу до Шэнцзина? По дороге сюда я видел уже проложенную часть пути. Но где пройдет оставшийся отрезок? Если отправлять торговые караваны, сколько времени займет путь туда и обратно между Нинчжоу и Шэнцзином?

Ван Сяо с облегчением рассмеялся:

— Ну, если дело только в этом! Хотя я и чиновник пятого ранга, в более серьезных вопросах я бы вряд ли смог тебе помочь.

После этого Ван Сяо в общих чертах описал города, через которые пролегал новый тракт.

На третий день своего пребывания в Нинчжоу Тан Шэнь и Яо Сань отправились в городок Лохэ, чтобы договориться с новыми поставщиками из Ляо. За прошедшие полгода Елюй Цзю начал испытывать некоторые подозрения относительно торговли Терема Сися. Зимой спрос на

говядину и баранину был огромен, и каждый день туда отправляли по несколько телег мяса. Однако с наступлением лета объемы поставок резко сократились.

<http://bllate.org/book/18292/1754542>